

Теоретико-літературні та естетичні категорії й поняття розглядаються як інструмент осягнення художнього твору, а також аналізу явищ у найрізноманітніших галузях знань і сферах спілкування. Автором представлений досвід систематизації теоретико-літературних та естетичних категорій і понять. Схарактеризовано навчально-методичні комплекси з літератури (5–9 класи) та елективного курсу «Слово — образ — смисл: філологічний аналіз літературного твору» (10–11 класи) за ред. В.Ф. Чертова в аспекті формування літературознавчої компетенції учнів як основи їх читацької самостійності.

Ключові слова: *теоретико-літературні та естетичні категорії й поняття, літературознавча компетенція, читацька практика, аналіз, інтерпретація, навчально-методичний комплекс, елективний курс.*

Theoretical, literary and aesthetic categories and concepts are presented as a tool of understanding the work of art as well as the analysis of the phenomena in various fields of knowledge and areas of communication. The author presents experience of systematization of theoretical, literary and aesthetic categories and concepts. It is analyzed educational-methodological complex in literature (grades 5–9) and the elective course «Word — image — sense: philological analysis of literary work» (grades 10–11) ed. by V.F. Chertov in the aspect of development of literary competence of students as the basis of their reading independence.

Key words: *theoretical, literary and aesthetic categories and concepts, literary competence, reading practice, analysis, interpretation, educational-methodological complex, elective course.*

УДК 821.Г1/7.07

Владимир Гладышев

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ В ШКОЛЕ ТВОРЧЕСТВА Н.В. ГОГОЛЯ: ГОГОЛЬ-ПИСАТЕЛЬ И ГОГОЛЬ-МОРАЛИСТ В ПОНИМАНИИ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА

В докладе сделана попытка рассмотрения историко-литературной концепции взаимосвязи и взаимовлияния Гоголя-писателя и Гоголя-моралиста, выдвинутая в начале 80-х годов прошлого века писателем-эмигрантом Сергеем Довлатовым.

Ключевые слова: *Сергей Довлатов, Гоголь-писатель, Гоголь-моралист.*

Изучение в школе творчества гениального писателя Н.В. Гоголя, который с полным правом может быть назван не только русским, но и украинским писателем, сопряжено с рядом трудностей. Одна из них — осмысление того, как следует рассматривать Гоголя-писателя и Гоголя-моралиста, поскольку в обеих этих ипостасях Гоголь остаётся самым собой, но противоречия между его художественным творчеством и деятельностью моралиста-публициста несомненны.

На это «раздвоение» Гоголя нельзя не обратить внимания, без его осмысления восприятие школьниками творчества писателя будет неполным. В этой связи, на наш взгляд, представляет несомненный интерес историко-литературная концепция взаимосвязи и взаимовлияния Гоголя-писателя и Гоголя-моралиста, которая

была выдвинута писателем-эмигрантом Сергеем Довлатовым в начале 80-х годов прошлого века. Разумеется, в первую очередь следует учитывать своеобразие личности и творчества самого Довлатова. Потому что, и это общепризнанно, именно Довлатов стал одним из наиболее ярких литературных открытий «третьей волны» русской эмиграции, но его творчество опирается на традиции русской классической литературы.

Собственно говоря, авторы интересных критико-биографических статей, предварявших тексты произведений в первых сборниках Сергея Довлатова, пришедших к читателю в последние годы существования СССР [1; 2], отмечали в первую очередь то, что творчество писателя-эмигранта в высшей степени традиционно для русской литературы. Потому что само понятие

«русский писатель» неразрывно связано с русской литературной традицией: *«Разумеется, нет русского писателя, которому удалось бы избежать влияния русской литературы»* [2, 7]. Кстати, именно в традиционности (как для русской литературы) творчества Сергея Довлатова критики склонны усматривать истоки трагизма личной судьбы писателя, связанного с необходимостью эмигрировать. Представляется, что уже сама постановка критиком вопроса становится ответом на него: *«Но почему все-таки российский талант на родине вечно в оппозиции?»* [1, 4]. Да потому, что талант! И потому, что русский!

Так, полемизируя с Эдуардом Лимоновым, заявившим, что он не хочет быть русским писателем, Довлатов, признавая право эпатажного «Эдички» на такую точку зрения, замечает: *«И все-таки Лимонов сказал глупость. Национальность писателя определяет язык. Язык, на котором он пишет»* [3, 269]. Поэтому писатель Сергей Довлатов, на которого, по его же собственному признанию, первостепенное влияние оказала американская литература [4, 85], всего более озабочен литературой русской. Той самой, к которой принадлежит его творчество.

Любопытно, что в ходе обстоятельной беседы с американским славистом и публицистом Джоном Глэдом, которая состоялась 5-го января 1988-го года в Вашингтоне, проживший к этому времени в Америке почти десять лет Сергей Довлатов, комментируя высказывание учёного об одной из своих книг (*«Она очень смешная, но общее впечатление грустное»* [4, 86]), делает чрезвычайно, на наш взгляд, важное замечание: *«Практически для всех русских юмористов, которых мы чтим, смех сквозь слезы»* (здесь и далее выделено нами — В.Г.) *это обычное состояние. Не хочу себя сравнивать ни с кем из великих писателей, но, наверно, печаль и улыбка сопутствуют друг другу»* [4, 86]. Нетрудно заметить, что в данном утверждении «присутствие» Николая Васильевича Гоголя и его творчества является едва ли не физическим. При этом традиции Гоголя воспринимаются Сергеем Довлатовым вполне осознанно, но в высшей степени творчески.

Представляется важным, что восприятие Довлатовым личности и творчества Гоголя полностью укладывается в утверждаемую им концепцию русской литературы как некой «не-литературы» — в общепринятом на Западе значении этого явления. В 1982 году, в лекции, прочитанной Довлатовым в университете Северной Каролины, писатель заявил следующее: *«Начнём с того, что русская литература, в отличие от европейской и американской литературы, с западной точки зрения литературой не является»* [3, 228]. Бесспорно также, что именно такое положение дел в литературе является для него определяющим, базовым, о чём свидетельствует

тот факт, что в той или иной формулировке это понимание специфики русской литературы отражено практически во всех высказываниях Довлатова о ней. Так, уже упоминавшуюся беседу с Джоном Глэдом Сергей Довлатов начинает со следующего утверждения: *«В американском понимании русская литература не является литературой, и в русском понимании американская литература это не совсем литература»* [4, 85].

Остановимся на том, каким было понимание Довлатовым морально-эстетического своеобразия русской литературы, в рамках которого он и оценивает Гоголя-писателя и Гоголя-моралиста. Для этого обратимся к тексту указанной выше лекции, впервые опубликованному в еженедельнике «Новый американец» через десять дней после выступления писателя [2, 226–239], а также беседе писателя с Джоном Глэдом.

Писатель-эмигрант убеждён, что отмеченная им «непохожесть» русской литературы на «собственно литературу» обусловлена той ролью, которую всегда вынуждены были играть литература и писатель в жизни общества. В силу исторических особенностей развития русского общества именно литература стала средоточием духовной жизни в её широком понимании. Поэтому и русский писатель, что вполне естественно, занял в жизни своего народа то место, которое в других странах занимали мыслители, философы и моралисты: *«Писателя в России всегда воспринимали как пророка, приписывали ему титанические возможности и ждали от него общественных деяний самого крупного, государственного масштаба. Роль и поприще писателя всегда считались в России очень почетными...»* [2, 229]. Писатель — пророк, писатель — общественный деятель, писатель — борец за народное счастье, наконец, писатель — своеобразный спаситель?

Духовной организацией жизни общества, утверждением в нём системы моральных ценностей, то есть тем, чем в странах Европы и США занимались философы, деятели церкви, политики, в России, по мнению Довлатова, на протяжении столетий просто вынуждена была заниматься художественная литература. Вследствие этого именно литература приобретала в жизни народа исключительно важное значение, которое, вероятно, можно выразить знаменитой формулой поэта Евгения Евтушенко: *«Поэт в России — больше, чем поэт»* [5, 11]. Можно воспринимать это как определённый недостаток русской литературы, можно — как её достоинство, но отрицать такое положение дел невозможно.

Вследствие, назовём это так, подчёркнутого «литературоцентризма» духовной жизни России произошло, как утверждает Сергей Довлатов, следующее: *«... литература постепенно присваивала себе функции, вовсе для нее не характерные. Подобно религии, она несла в себе огромный*

нравственный заряд и, подобно философии, брала на себя интеллектуальную трактовку окружающего мира. Из явления чисто эстетического, сугубо художественного литература превращалась в учебник жизни или, если говорить образно, литература из сокровища превращалась в инструкцию по добыче золота» [3, 229–230]. При таком отношении общества к литературе и писателю художник слова практически всегда оказывался своеобразным заложником самых разнообразных, но всегда завышенных, требований, которые — не всегда обоснованно — предъявлялись к нему и читателями, и большинством «коллег по цеху».

Оценивая ситуацию с позиций историка литературы и писателя одновременно, Довлатов утверждал, что «в основе русской литературы лежит чрезвычайно изысканный, лаконичный и абсолютно совершенный по форме творческий прецедент в виде наследия Александра Сергеевича Пушкина» [4, 94]. Считая Пушкина одновременно и основой, своеобразным подножием русской литературы, и её недостижимой вершиной, Сергей Довлатов объяснял совершенство Пушкина тем, что «Пушкин не был художником по преимуществу, и, тем более, не был художником по роду занятий, а исключительно и только художником по своему физиологическому строению, если можно так выразиться, его сознание было органом художественного творчества, и все, к чему он прикасался, становилось литературой, начиная с его частной жизни, совершившейся в рамках блистательного литературного сюжета, украшенного многочисленными деталями и подробностями, с острым трагическим эпизодом в финале» [3, 231]. Иначе говоря, по мнению Довлатова, выдающееся «общественное звучание» художественные произведения Пушкина приобретали не потому, что их автор стремился к этому, а только потому лишь, что он был подлинным художником, творчество и жизнь которого составляли неразрывное единство.

Парадоксальный вывод Довлатова: блистательное начало русской литературы, коим являлось творчество Пушкина, так и осталось её вершиной потому, что все «послепушкинские» писатели были лишены этой гармонии личности и творчества! Все они, утверждает Довлатов, исключая, пожалуй, лишь Чехова, «в той или иной степени стали жертвами своих **неудержимых** попыток выразить себя в общественно-политических и религиозно-духовных сферах деятельности» [3, 232]. К числу этих писателей, большинство из которых «были обладателями громадного пластического дарования» [3, 232], Довлатов относит и Николая Васильевича Гоголя.

При рассмотрении оценки Сергеем Довлатовым Гоголя необходимо выяснить, является ли та «неудержимость», о которой говорится

выше, фактором сугубо личностным, с влиянием которого писатель мог бы справиться. Или же она определяется тем отношением к писателю и литературе, которое утвердилось в обществе, «запрограммирована» им? Поставим вопрос иначе: а могли — в принципе — мало-мальски известный русский писатель не представлять в глазах читателей не только писателем, но и «пророком», и «общественным деятелем»? Могли ли они не воспринимать его именно в этом качестве? Очевидно, что нет.

Сущность концепции жизни и творчества Гоголя, соотнесённости Гоголя-писателя и Гоголя-моралиста, которую выдвигает Сергей Довлатов, можно определить следующим высказыванием: «Гоголь обладал феноменальным художественным дарованием сатирической направленности, обладал не совсем обычным для русского писателя тотальным чувством юмора, написал лучший роман на русском языке — «Мертвые души», затем углубился в поиски нравственных идеалов, издал опозорившую его книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», в которой пришел к оправданию рабства, загубил в себе художника и умер сравнительно не старым и абсолютно сумасшедшим человеком» [3, 233]. Если сказать коротко: Гоголь был гениальным писателем, но только до тех пор, пока не попытался стать моралистом, и эта неудачная попытка стала причиной гибели и Гоголя-писателя, и Гоголя-человека.

Нужно, разумеется, попытаться понять известную категоричность, с которой Сергей Довлатов оценивает знаменитую книгу Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Нельзя не признать, что эта книга и в самом деле в высшей степени противоречива. Можно также предположить, что при её оценке Довлатов опирался на чрезвычайно широко распространённое понимание её появления как следствия груза «общественных предрассудков, которые мешали ему (Гоголю — В.Г.) сделать общие выводы, со всей неизбежностью вытекавшие из его гениальных художественных обобщений» [8, 487]. Именно так утверждал академик М.Б. Храпченко, создавший в своё время «официальную» концепцию жизни и творчества Гоголя.

Подобного рода оценки самой противоречивой книги не только Гоголя, но и, возможно, всей русской литературы, активно тиражируемые в 50-е годы прошлого века, не были (и, вероятно, не могли быть) пересмотрены крупнейшими исследователями творчества писателя даже в начале 80-х годов: «Нужно говорить о другом: о **реакционной утопичности** социально-политического идеала, противостоящего у позднего Гоголя этой действительности, о его мистическом оформлении, явственно заявившем о себе впервые в «Выбранных местах» [6, 579]. Приведённый выше фрагмент взят нами

из многотомной «Истории русской литературы», изданной в начале 80-х годов в Ленинграде и подготовленной коллективом научных сотрудников Пушкинского Дома... Так стоит ли удивляться тому, что примерно в эти же годы писатель-эмигрант Сергей Довлатов повторяет общепринятые на тот момент истины?

На наш взгляд, гораздо важнее другое: талантливый русский писатель Сергей Довлатов даёт чрезвычайно высокую оценку художественного дарования Гоголя, не менее высоко оценивает он и созданные писателем произведения. Не случайно же именно «Мёртвые души» названы Довлатовым не просто одним из величайших произведений русской литературы, а «лучшим романом на русском языке»!

Особо следует остановиться на явлении, которое Довлатов называет «тотальным чувством юмора» Гоголя. При этом он не забывает уточнить, что это качество не совсем обычно для «русского писателя». О чём же в данном случае идёт речь?

Видимо, Довлатов всё-таки имел в виду индивидуальные особенности мировосприятия Гоголя, которые при создании им художественных произведений проявлялись в том, что смешные стороны действительности не «выискивались» писателем, а становились следствием его имманентно-критического отношения к ней. Это не значит, образно говоря, что во время свадьбы Гоголь обязательно видел похороны, скорее, наоборот: до тех пор, пока писателю в реальной жизни, в обыденной действительности открывались её смешные стороны, творческое воссоздание этой действительности в произведениях Гоголя было органичным и естественным, а художественная убедительность этих произведений, их воздействие на читателей были огромны. Когда же «тотальный юмор» заменило нечто иное, возможно, стремление к морализаторству, желание «улучшить» жизнь и людей с помощью нравственной проповеди и искажения увиденного — эта «подмена» оказалась фатальной для Гоголя-художника (вспомним его попытку создать «новую Россию» в уничтоженных томах «Мёртвых душ»).

Несомненно, именно особенностями творческого дарования Сергея Довлатова, благодаря чему его книги воспринимались так, как об этом говорил Джон Глэд, обусловили особое отношение писателя и к Гоголю-человеку, и к творчеству писателя. Нельзя исключить и того, что, независимо от масштаба дарования, именно эти писатели — Гоголь и Довлатов — наиболее полно представляют в русской литературе один и тот же способ художественного мировосприятия, в основе которого лежат не поиски писателем смешного, а, скажем так, изначальное «отталкивание» от него.

Не подлежит сомнению, что «тотальный юмор», следствием и воплощением которого в художественных произведениях стал знаменитый «смех сквозь слёзы», был присущ и самому Довлатову-писателю. Более того, Сергей Довлатов прекрасно понимал, что абсурду, жестокости, враждебности обыденной жизни и человек, и народ могут противопоставить только юмор. Только такое восприятие этой действительности может, и это не преувеличение, спасти и человека, и народ, дать им возможность противостоять всему этому негативу. Имманентный, неистребимый «тотальный юмор» против «тотального негатива»? Примечательно, что в той или иной форме Сергей Довлатов говорил об этом противостоянии постоянно: «Юмор — украшение нации. В самые дикие, самые беспросветные годы не умирала язвительная и горькая, простодушная и затейливая российская шутка» [3, 223].

Следовательно, восприятие Сергеем Довлатовым Гоголя как писателя и Гоголя как моралиста основывалось на своеобразной концепции русской литературы, созданной писателем, поэтому и осуществлялось в рамках этой концепции. По свидетельству людей, которые знали его достаточно хорошо, «С подлинным энтузиазмом Довлатов относился **только** к литературе. Что знал, то знал превосходно: русскую и американскую словесность. Литература исчерпывала почти весь его кругозор» [3, 12]. Поэтому, несмотря на присущую этому писателю лаконичность, оценка Довлатовым Гоголя носит осознанный, завершённый и концептуально выверенный характер.

Явно выраженная полемичность, отличающая позицию Довлатова, может быть вызвана тем, что ему самому довольно часто (и в СССР, и в США) приходилось отстаивать право писателя быть не пророком, не общественным деятелем, не Мессией, а в первую очередь и по преимуществу — художником слова. В этом, как отмечалось выше, Довлатов сознательно отходит от традиций русской литературы, приближаясь к пониманию роли писателя в жизни общества, утвердившейся в Европе и США: «Мировоззрение не так уж важно. Писателя нельзя ни хвалить, ни бранить за мировоззрение. Главное, чтобы он был художником» [7, 147]. Эти слова были сказаны немецким писателем Генрихом Бёллем в 1962 году, когда он впервые посетил СССР.

Вряд ли Сергей Довлатов, которому немецкая литература, по его собственному признанию, никогда не была особенно близка, знал высказывание Бёлля. Но именно такое, общечеловеческое по своей сути, отношение к литературе, творчеству и писателям он исповедовал, начиная с первых шагов на литературном поприще. Именно с этих позиций оценивал Литературу и писателей.

Творчество Николая Васильевича Гоголя занимает достойное место в истории не только русской и украинской литературы, общепризнанно, что оно давно уже стало достоянием мировой литературы. Безусловно, многое в оценке творчества и личности великого писателя подлежит в настоящее время серьёзному переосмыслению, от многих штампов можно и нужно избавиться Гоголя и его литературное наследие. Но невозможно подвергнуть сомнению величайший художественный талант писателя, трагизм и противоречивость его

судьбы и творчества. Сергей Довлатов говорил именно об этом. Поэтому его концепция взаимосвязи Гоголя-писателя и Гоголя-моралиста, выдвинутая достаточно давно, представляется актуальной и в наше время.

Предложенный выше материал учитель-словесник может использовать при знакомстве старшеклассников с жизнью и творчеством Николая Васильевича Гоголя, а также при определении роли этого писателя в истории русской, украинской и мировой литератур.

ИСТОЧНИКИ

1. Довлатов С.Д. Ремесло: Домашняя библиотека «Звезды» / С.Д. Довлатов. — Мичиган : Ardis, 1983. — С. 3–10.
2. Довлатов С.Д. Чемодан: Повести / С.Д. Довлатов. — М. : Моск. рабочий, 1991. — С. 3–7.
3. Довлатов С.Д. Речь без повода... или Колонки редактора / С.Д. Довлатов. — М. : Махаон, 2006. — 432 с.
4. Джон Глэд. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье / Джон Глэд. — М. : Кн. палата, 1991. — 320 с.
5. Евтушенко Е.А. Поэт в России — больше, чем поэт / Е.А. Евтушенко. — М. : Сов. Россия, 1973. — 336 с.
6. История русской литературы. Т. 2. От сентиментализма к романтизму и реализму. — Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1981. — 656 с.
7. Орлова Р. Мы жили в Москве: 1956–1980 / Р. Орлова, Л. Копелев. — М. : Книга, 1990. — 447 с.
8. Храпченко М.Б. Творчество Гоголя. Издание второе / М.Б. Храпченко. — М. : Советский писатель, 1956. — 608 с.

Удповіді зроблено спробу розглянути історико-літературну концепцію взаємозв'язку і взаємовпливу Гоголя-письменника і Гоголя-мораліста, яку висунуто на початку 80-х років минулого століття письменником-емігрантом Сергієм Довлатовим.

Ключові слова: Сергій Довлатов, Гоголь-письменник, Гоголь-мораліст.

The article attempts to examine historical-literary conception of interrelation and mutual influence of Gogol-writer and Gogol-moralist, which was introduced by the writer-emigrant Sergiy Dovlatov at the beginning of the 80s of the last century.

Key words: Sergiy Dovlatov, Gogol-writer, Gogol-moralist.